

Оделся, вышел, посмотрел по сторонам, вставил наушники в уши и побежал. Пусть пробежка теперь и не нужна, так как физического отката мне не грозит, но просто сидеть дома слишком скучно. Так хотя бы можно отвлечься и поразмышлять о том, что происходило со мной за последнее время.

Если быть честным, то все события до укуса можно описать как серый фон, а вот после на разлитые неаккуратным художником краски. Слишком много всего навалилось за месяц. Меня атаковала девчонка, умеющая управлять молниями, атаковали агенты, атаковала гигантская Ящерица, атаковала мать, словесно, конечно, атаковала Уотсон со своим предложением и атаковала чёртова судьба, решившая, что сейчас, когда дел по горло, нужно выбирать свой дальнейший путь.

Армия... странно, как раньше я хотел стать военным и как сейчас это желание поутихло. Так же произошло и с футболом. Будто все прошлые желания стали какими-то блеклыми и заменились... а чем, собственно, они заменились? У меня ведь не появилось никаких других целей. Защита города? Так это обычное желание любого гражданина, не желающего, чтобы в его доме творилась анархия. Помочь семье? Это желание было у меня с самого начала и никуда не исчезало.

Так что заставило меня так сильно измениться? В какой момент мои желания стали... не моими?

Я медленно остановился и сел на лавочку. Откинув голову, я посмотрел на синее небо без единого облачка. Лучи солнца еле пробивались сквозь листву деревьев, а гомон проходящих людей создавал какую-то уютную атмосферу. Хотелось просто сидеть и ни о чём не думать. Казалось, прямо сейчас само время остановило своё движение, чтобы дать мне насладиться минутой простоя.

Минутой, на протяжении которой мне нужно напрягать свои извилины так, как я их не напрягал все свои шестнадцать лет. Тогда мои мысли ограничивались футболом и пьянками, из-за которых у меня выработалась непереносимость к алкоголю. Да, все шестнадцать лет, нет, не шестнадцать, все шесть лет я думал лишь о том, как устроить себя в этом мире, как помочь семье и как стать достаточно сильным, чтобы ни одна шавка не смела поднимать на нас голос.

Чтобы мать больше не беспокоилась о том, что её сын может не дойти до дома, что её дочь однажды нарвётся на неприятности, из которых не сможет выпутаться. Что однажды она останется одна.

Я хотел стать надёжной опорой и пусть Бог это услышит, эта мечта, наконец, начинает исполняться.

Я больше не тот маленький мальчик, которого пинали за его веточки, вместо рук. Я больше не тот мальчик, что держал злобу внутри себя, ведь не имел возможности дать сдачи. Я больше не тот идиот, из-за которого мать чуть не выгнали с работы вследствие моего поведения, кинувшего пятно на всю семью.

Я верю в происходящие со мной изменения. Я всеми фибрами души надеюсь, что изменяюсь я к лучшему, а не становлюсь всё более неуправляемым из-за появившихся сил. Пусть у меня не хватило смелости рассказать матери о своих силах, пусть нынешние проблемы гораздо серьёзнее прошлых...

Юджин Томпсон всегда выбирался из дерьма и становился лучшим.

И этот раз не будет исключением.

Увы, моя идиллия была прервана заскрипевшими тормозами грузовика, несущегося на красный. Да, я ведь герой. Пусть и не такой светлый, но герой, сутью которого является спасение людей.

Перепрыгиваю через лавочку и несусь к пешеходному переходу, по пути проверяя наличие камер и лишних глаз, и не находя тех, позволяя симбионту покрыть тело. Лицо застилает маска без рта, но с уже родными двойными белыми глазами, дабы не напугать кого ненароком. Тело укрывает тёмно-алый костюм с вкраплениями. Рука вытягивается к грузовику и из неё выпускается пара жгутов, на пути менявших свою форму из полос на манер паутины. Расстояние было слишком большим, но в момент алая дымка проходит по жгутам и те даже на вид становятся в несколько раз крепче.

Паутина попадает на переднюю часть грузовика, я же тем временем фиксирую руку. Паутина чуть отгибается, но рука остаётся неподвижной. Грузовик резко начинает терять скорость, а лобовое стекло вылетает. Колёса останавливаются в метре от зебры со стоящими в ужасе людьми. Они даже не потрудились убежать, лишь застыли чёртовыми статуями.

Если бы не я, их бы просто расплющило. Убираю жгуты и активирую регенерацию, восстанавливающую полученные микротравмы. Остановить пятитонник на прямой руке даже у меня без последствий не выйдет. Получено растяжение и чуть треснула кость.

Останови я грузовик двумя руками и появившись прямо перед ним, травм бы не было. Но я банально не успевал. Каким бы быстрым я не был, но с ходу набрать скорость в восемьдесят миль у меня не выйдет. Молниеносно оказываюсь рядом с грузовиком и смотрю на потерявшего сознание водителя. Я хоть и пытался сделать торможение максимально мягким, но даже так нагрузки на организм обычного человека слишком велики.

— Вызовите скорую, — сказал отходящим от шока прохожим своим глубоким голосом.

Да, после изменения, а точнее, после вступления на третью ступень произошли значительные перемены не только в плане ощущения окружения. Теперь, когда на мне появляется костюм, голос автоматически подстраивается, а эмоции начинают пропускаться через фильтр, грубо говоря, убирая резкие всплески. Можно сказать, что я без костюма и я с костюмом — два совершенно разных человека.

Различия пусть и не радикальные, но узнать меня сможет только знающий меня долго человек. И то, только после пары часов, проведённых вместе. Ну, наверное. Это ещё не проверено, но в моей голове это ровно так.

Рёв двигателей привлёк внимание и меня, и людей, стоящих рядом. С неба, аки какой-нибудь единорог, а по-другому я описать реакцию человечков я описать не могу, спускалась красная фигура. Рты человечков раскрылись в изумлении и шоке. Они, видимо, знали эту фигуру и та являлась кем-то важным. Овер важным.

Поправочка. Овер важной.

Блестящие на солнце красные доспехи, металлические тросы позади головы в виде волос, испускающие огонь невероятной температуры ладони и стопы. Синие глаза медленно спускались с неба и продолжали следить за мной, хотя я чётко слышал изумление по ту сторону костюма. Если мой костюм — биологическое оружие, то её — технологическое.

От звука сотни работающих в одну секунду приборов у меня на секунду заболела голова, но прозвучавший гул, чуть приглушивший слух и снизивший его восприимчивость до обычного человеческого уровня, поправил ситуацию.

Грузный звук приземления и голова костюма съезжает, показывая очаровательную, даже очень, брюнетку с глубокими карими глазами, в которых читались происходящие за неполную секунду тысячи мыслительных процессов и чуть высокомерное выражение лица. Выражение, попортившее всё первое впечатление.

— Кто ты такой?

<http://tl.rulate.ru/book/78836/2437428>